

А СУДЬИ ВСЕ-ТАКИ КТО

Для независимого и эффективного правосудия недостаточно правильной процедуры. Ключевой вопрос — кто его вершит, то есть, откуда берутся судьи: какое у них образование, как они приобретают судейский статус и от чего зависит их карьера.

Стандартные административные процедуры в выборе судей неприменимы, если мы хотим видеть независимую судебную власть. Поэтому вместо них в подавляющем большинстве стран предусмотрены специальные механизмы. Можно описать несколько моделей статуса судьи; нынешняя российская, как водится, представляет собой их самобытный гибрид.

Как в мире бывает и как лучше

Первейший критерий классификации — степень открытости доступа к профессии судьи. Континентальная (французская) модель изначально требует получения будущими судьями специализированного образования в учебном учреждении именно для будущих судей — во Франции это *Ecole supérieure de la Magistrature*, Высшая школа магистратуры. В дальнейшем также требуются обязательные аттестация и повышение квалификации. В итоге континентальная магистратура (судейское сообщество) — достаточно обособленное и закрытое сообщество.

Англосаксонская система, наоборот, строится на свободном доступе к судейской карьере адвокатов, прокуроров и других юристов, статус судьи считается логическим завершением, вершиной юридической карьеры. Будущие судьи обладают каждый своим, разным образованием и юридическим опытом; формальные оценки и требования повышения квалификации отсутствуют, а ее должный уровень обеспечивается за счет диалога судей с обществом в силу непрерывного вливания кадров.

Открытая модель многим, включая международную политическую общественность, представляется априори предпочтительной. Ее явный плюс — этот самый «живой диалог», который способствует гибкости и открытости сознания судей, снижает риск их обособления от общества и профессиональной деформации. Но свои плюсы есть и у закрытой модели: высокий уровень именно специализированной профессиональной подготовки судей; систематическое развитие карьеры судьи, предусматривающее регулярное повышение квалификации и оценку его деятельности именно по профессиональным критериям (такая оценка может быть более или менее обоснованной, она может быть при недолжной ее организации даже чревата оказанием на судью влияния — но сам факт ее наличия позитивен).

Второй, не менее важный критерий — как приобретает статус судьи, на выборах или по назначению. В большинстве стран Европы судьи назначаются, вариантов два: «формальный» и «политический». В первом случае (Германия, Норвегия) фактический отбор кандидатов осуществляет специальная

комиссия (включает судей, юристов, представителей общественности и т. п.; это институт гражданского общества, а не государственный орган), а политическая власть лишь формально утверждает уже отобранных кандидатов. «Политическое» же назначение (Верховный суд США и верховные суды части штатов) — реальный отбор и назначение судей соответствующим должностным лицом.

«Формальное» назначение сегодня воспринимается как более демократичное и минимизирующее влияние на судей исполнительной власти, но оно имеет и минусы. В частности, это не всегда сильный контроль именно профессиональных качеств кандидатов в судьи; кроме того, в некоторых странах «общественные комиссии» могут грешить кастовостью и связями с организованным преступным сообществом (либо быть не в состоянии обеспечить контроль за проникновением его элементов). Помимо этого, если при «политическом» назначении возникает хотя бы политическая ответственность должностного лица за деловые качества судьи, при «формальном» она крайне размыта, и спросить за плохого судью фактически не с кого.

Выборы судей характерны для англосаксонских стран и многим представляются идеальным вариантом. Прямое влияние органов исполнительной власти на формирование судейского корпуса здесь практически исключено, процедура прозрачна и потому способствует доверию граждан к правосудию, а переизбрание судей представляет собой эффективную оценку качества их деятельности.

Но и здесь все не так очевидно. Традиционные исторические выборы населением на основании личного доверия к кандидату («выборы наиболее достойного»), на которые рассчитана эта модель, в современных реалиях — в мегаполисах, например, — практически невозможны. Да и изначально это во многом утопия — так, такие выборы практически не прижились даже во Франции после революции.

Альтернатива — выборы политические, которые надо финансировать, организовывать избирательную кампанию и т. д. В европейских странах при многообразии политических сил и партий такие выборы судей просто непредставимы, почему они и распространились в основном в США, где существует стройная двухпартийная система (и потому же там в последние годы выборы судей переживают кризис вместе с системой). Более или менее прозрачная и легитимная процедура избрания судей обеспечивается, но говорить об их полной независимости и беспристрастности никому не приходится в голову даже в самих США. Это не значит, что избранный на «политических» выборах судья от демократов, допустим, незаконно осудит невиновного лидера местных республиканцев. Но судья-демократ всегда будет придерживаться «либеральной» судебной философии, бороться за права человека и против социальной несправедливости, тогда как республиканец будет в большей мере легалистом, минимально вмешивающимся в общественную жизнь и деятельность исполнительной власти. Оба должны действовать на основании закона, а закон всегда оставляет место для судейского усмотрения — здесь-то и проявится идеология судьи.

Еще одна проблема выборов — насколько объективна оценка населением собственно профессиональных качеств судьи или будущего судьи. Говоря откровенно, оценка эта необъективна, поскольку граждане ориентируются совсем на иные факторы, да и не обладают необходимой юридической квалификацией.

Поэтому в тех же США предпринимались и предпринимаются попытки перестроить модель избрания судей. Это так называемый «миссурийский план»: примерно в половине штатов кандидаты в судьи отбираются общественной комиссией и формально назначаются на должность губернатором штата на определенный срок (например, год). По истечении этого срока проводятся выборы судьи, но избиратели голосуют лишь за то, оставить или снять такого судью. Забавно, что по сути это отчасти переход к безальтернативным выборам наподобие тех, что проводились в СССР. Американские исследователи говорят об успехе «миссурийского плана», по крайней мере частичном; но стоит иметь в виду, что практика показывает: избиратели «утверждают» почти всех судей, так что насколько подобный контроль граждан эффективен — тоже вопрос.

Следующая проблема — развитие карьеры судьи, его продвижение по службе. Оценка деятельности судьи могут дать либо представители бюрократии, либо судейское сообщество и представители общественности, либо само общество (в процедурах типа импичмента). Особое значение имеет степень влияния на судью председателя его суда: например, дает ли он рекомендацию при решении вопроса о назначении судьи в вышестоящий суд.

__Сегодняшняя российская система доступа к статусу судьи тяготеет к закрытой модели